

Д.А. РЕУТ

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И ПРАВО НА ВЛАСТЬ

Аннотация. *Определяющее влияние научно-технической революции на все сферы общественной жизни обусловило необходимость качественно нового научного взгляда как на проблематику правопонимания и правосознания в целом, так и на вопросы реализации права на власть в современном информационном обществе. В условиях трансформации постиндустриального общества в общество «цифровой экономики», в сферу производства и потребления услуг эволюционируют не только формы делегирования права на власть, актуальным также становится и вопрос содержания этого права. Если в недалеком прошлом лишь глубокие провидцы или фантасты-романтики могли предсказать использование для подсчета голосов избирателей автоматизированных комплексов либо широкое применение информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования для совершения юридически значимых действий, то сегодня эти явления фактически поменяли объективную картину реальности. Применительно к избирательному процессу и праву предстоит упорядочить общественные отношения, фактически сложившиеся на основе достижений научно-технического прогресса.*

Ключевые слова: *выборы, право на власть, народовластие, информационное общество, научно-техническая революция.*

INFORMATION SOCIETY AND RIGHT FOR THE POWER

Abstract. *The defining influence of a scientific and technological revolution on all spheres of public life caused need of qualitatively new scientific view as on a perspective of a law conception and sense of justice in general, and on questions of realization of the right for the power in modern information society. In the conditions of transformation of post-industrial society in society of «digital economy», in society of production and consumption of services, not only forms of delegation of the right for the power evolve, relevant is also a question of maintenance of this right. In past times only deep prophets or fantast romantics could predict use for counting of votes automated complexes or wide use a public information and telecommunication networks for commission of legally significant actions, but today these phenomena actually changed an objective picture of reality. In relation to electoral process the right should order the public relations which actually developed on the basis of achievements of scientific and technical progress.*

Keywords: *elections, right for the power, democracy, information society, scientific and technological revolution.*

РЕУТ Дмитрий Алексеевич — кандидат юридических наук, член Московской городской избирательной комиссии, г. Москва

Несколько десятков лет назад мало кто мог предположить, насколько изменится наша жизнь с приходом современных технологий, теперь уже не кажущихся чем-то сверхъестественным. Давно и прочно вошли в нашу действительность радио, телевидение, мобильные телефоны, интернет, социальные сети, современные электронно-вычислительные машины, нейросети, робототехника — перечислять можно бесконечно. В совокупности современные информационно-технические инструменты оказывают огромное влияние на общественную жизнь, меняя объективную картину мира, вместе с которой меняется не только восприятие юридических механизмов реализации народовластия, но и трансформируется само правовопонимание.

Известный вывод К. Маркса о том, что не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание [1, с. 7], представляется чрезвычайно актуальным для исследователей в различных областях науки, не исключая и юриспруденцию.

Введенное в научный оборот А. Богдановым понятие общественного сознания как характеристики состояния конкретного общества, отражения общественного бытия, совокупности коллективных представлений, присущих определенной эпохе, безусловно, включает в себя и сформировавшееся в обществе правовопонимание [2, с. 101]. Как отмечают последователи теории исторического материализма, если в ранние периоды человеческой истории общественное сознание формировалось только как непосредственное порождение материальных отношений людей, то в последующем само общественное сознание стало оказывать существенное влияние на сознание индивидов через такие общественные институты как государство и государственный строй, правовые и политические отношения [3, с. 305].

Английский физик, химик и философ М. Полани отметил закономерность влияния социальных факторов на содержание научной деятельности и на зависимость научной рациональности непосредственно от культурно-исторического контекста [4, с. 89]. Это означает, что качественно новый научный взгляд на постоянное встраивание в общественную жизнь достижений научно-технического прогресса, включая развитие «электронной» демократии и внедрение пока еще ее отдельных элементов в избирательный и референдумный процесс, должен учитывать социокультурные особенности современного общества.

Из вышесказанного следует, что социальные явления в современном мире, условно относимые к категории «общественное бытие», к которым относится и технический прогресс, достижениями которого мы все в той или иной степени пользуемся в повседневной жизни, определяют и меняют общественное сознание, в том числе и правосознание. И этот факт, в свою очередь, требует смены типа научной рациональности, новой научной картины мира.

Применительно к четвертой научно-технической революции и всеобщей информатизации как социального бытия, так и сферы государственных отношений, а также воздействию этого фактора на право, Т.Я. Хабриева и Н.И. Черногор констатируют заметное влияние «цифровизации» на сферу правового регулирования и важность этого фактора для динамики правового регулирования, обусловленной в том числе и возникновением новых общественных отношений, прежде не существовавших либо не требующих правового регулирования или не подлежащих ему; возникновение в качестве субъекта правоотношений виртуальной или «цифровой» личности; возникающих в связи с реализацией прав человека в виртуальном пространстве новых «цифровых» прав; встраивание в правоотношения неодушевленного предмета — машины, искусственного интеллекта; и, как следствие всего этого, — необходимость с точки зрения юридической науки в осмыслении понятия виртуальной вещи [5, с. 10–11].

В наши дни подобные явления формируют очередной системный вызов юридической науке: в какой степени человек, благодаря достижениям научно-технического прогресса, может непосредственно не участвовать в функционировании институтов государственной власти? Можно ли доверить машине (пусть и с соблюдением заданных параметров и при условии обеспечения безопасности) принятие решений за человека, тем более решений с юридическими последствиями?

Представим себе гипотетическую ситуацию, при которой результаты выборов определяет нейросеть или компьютер (с технической точки зрения это возможно если не в наше время, то в недалеком будущем). Предположим, что компьютер анализирует множество параметров: общественное мнение, популярность тех или иных политиков или политических партий, положения их предвыборных программ, послужной список и деловые качества кандидатов, отсутствие ограничений пассивного избирательного права и множество других показателей. При подобном раскладе уже не потребуется сложной процедуры выдвижения и регистрации кандидатов, не нужны будут избирательные комиссии и избирательные бюллетени, будет полностью исключен человеческий фактор при принятии решений и подсчете голосов, избраны будут формально достойнейшие кандидаты и так далее. Экономическая выгода такой конструкции очевидна, более того, подобные предложения в настоящее время рассматриваются, например, в отношении внедрения электронного правосудия в России [6, с. 101–104; 7, с. 5–17].

В еще более открытом ключе данный вопрос анализируется в Европейском Союзе. Хартия об этических принципах применения искусственного интеллекта в судебных системах¹, принятая в декабре 2018 года Европей-

¹ Официальный сайт ЕКЭП // URL:<https://rm.coe.int/ethical-charter-en-for-publication-4-december-2018/16808f699c> (дата обращения 08.04.2019).

ской комиссией по эффективности правосудия (ЕКЭП) Совета Европы, гласит: применение искусственного интеллекта в области правосудия может способствовать повышению эффективности и качества работы судов, должно осуществляться ответственно, в соответствии с основными правами, гарантированными, в частности, Европейской конвенцией о правах человека и Конвенцией Совета Европы о защите личных данных, оставаться инструментом на службе общего интереса и уважать индивидуальные права. Документ предполагает расширение возможностей использования искусственного интеллекта при отправлении правосудия, не исключая и качественное увеличение степени влияния автоматизированных систем на правовую судьбу рассматриваемых судами споров.

При всей своей экономической целесообразности подобная модель не имеет возможности учитывать следующий краеугольный фактор: компьютер, лишенный в принципе психоэмоционального состояния, никогда не сможет «понять» норм морали и справедливости, являющихся консолидирующими для российского общества. Понятие этой особенности российского правосознания прекрасно сформулировал И.А. Ильин: «...европейское правосознание формально, черство и уравнительно; русский человек, наоборот, ждет от человека, прежде всего доброты, совести и искренности...; русский человек всегда... ценил свободу духа выше формальной правовой свободы...» [8, с. 85]. Эту мысль продолжил В.И. Фадеев, говоря о том, что народное представительство имеет духовные, нравственные начала [9, с. 5].

Жан-Жак Руссо, рассуждая об общественном договоре, писал, что народу принадлежат воля и сила. При этом воля народа (т.е. народный суверенитет — *Д.Р.*) неотчуждаема и не может передаваться, а делегирована может быть лишь сила, реализуемая органами исполнительной и судебной власти [10, с. 178–199]. В наши дни Конституционный Суд Российской Федерации отмечает, что право на голосование является элементом публично-правового института выборов, в нем сочетается как личный интерес каждого конкретного избирателя, так и публичный интерес, выражающийся в формировании на основе объективных итогов выборов органов государственной власти².

Делегация такого права искусственному интеллекту, по сути означала бы подмену самого источника права на власть, отрыв «воли» от ее обладателя.

Справедливости ради необходимо отметить, что пока подобные предложения напрямую не высказываются, скорее, выдвигаются более осто-

² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 29.11.2004 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 4 статьи 64 Закона Ленинградской области «О выборах депутатов представительных органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления в Ленинградской области» в связи с жалобой граждан В.И. Гнездилова и С.В. Пашигорова» // СЗ РФ. 2004. № 49. Ст. 4948.

рожные гипотезы об усовершенствовании избирательного процесса на основе современных информационных технологий. Например, Я.В. Антонов, исследуя электронное голосование, говорит о нем как о процедуре, обеспечивающей выражение политической воли избирателей и установление результатов такого волеизъявления с использованием современных информационных технологий непосредственно в процессе голосования и подсчета голосов [11, с. 9]. А.П. Уханова справедливо полагает, что сам факт широкого внедрения в избирательный процесс современных избирательных технологий, без которых проведение выборов в современном мире уже не видится, и развитие правового регулирования их применения обусловили необходимость пересмотра и актуализации понимания структуры технологического аспекта выборов, включение в правовую оценку электоральной практики такого компонента, как ресурсное обеспечение выборов [12, с. 9].

* * *

В современной России новые информационные технологии внедрялись в избирательный процесс постепенно и были совсем неоднозначно восприняты обществом. Высказывались разные точки зрения: кто-то горячо поддерживал такое нововведение, как технические средства подсчета голосов — комплексы обработки избирательных бюллетеней (КОИБ), впервые появившиеся в середине 90-х годов прошлого века, другие, напротив, подвергли эти устройства резкой критике. При этом никто не оспаривал явные преимущества подобной техники: моментальный подсчет голосов и изготовление протокола об итогах голосования, исключение человеческого фактора при подсчете голосов, предотвращение непреднамеренных ошибок.

В дальнейшем новой ступенью автоматизации процесса участия в выборах послужили комплексы электронного голосования (КЭГ), голосование на которых проводится без использования бумажного избирательного бюллетеня.

Настоящим прорывом в деле усовершенствования избирательного процесса по пути развития системы гарантирования активного избирательного права стало введение порядка голосования по месту нахождения или системы «мобильный избиратель». Впервые этот институт был широко использован на выборах Президента Российской Федерации в 2018 году³. Тогда почти 5,7 миллионов избирателей смогли выполнить свой гражданский долг и принять участие в выборах благодаря именно этой системе⁴.

³ См.: Постановление ЦИК России от 01.11.2017 г. № 108/900-7 «О Порядке подачи заявления о включении избирателя в список избирателей по месту нахождения на выборах Президента Российской Федерации» // Вестник Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. 2017. № 11.

⁴ Официальный сайт ИА ИТАР-ТАСС // URL:<https://tass.ru/politika/5089746> (дата обращения 08.04.2019).

Именно благодаря «мобильному избирателю» стало возможным создание совершенно нового, уникального правового механизма, позволившего москвичам, которые в день голосования находились за пределами территории города, проголосовать на выборах мэра Москвы 9 сентября 2018 года [13, с. 40–42].

Во всех перечисленных технических нововведениях, в динамике их появления в повседневной практике избирательного процесса прослеживается идея о необходимости обеспечения возможности реализации активного избирательного права, создания удобных условий для голосования избирателя. Эта идея позитивно выражена в науке, например, В.А. Черепанов пишет об обязанности государства создавать условия для реализации конституционного права на участие в выборах вне зависимости от того, где гражданин находится в день голосования [14, с. 117].

В начале 2019 года в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации внесен законопроект № 654402-7 «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва»⁵. В контексте всего сказанного попробуем смоделировать предполагаемые условия и порядок дистанционного электронного голосования на выборах в 2019 году, рассматриваемого в настоящей статье, прежде всего, в качестве научного эксперимента.

Для организации дистанционного электронного голосования (далее — ДЭГ) необходимо определить избирательный округ или избирательные округа для проведения эксперимента. Хотя выбор нескольких округов возможно и даст более репрезентативные результаты, полагаем, с учетом новаторства и смелости данного замысла проявить осторожность и провести эксперимент в одном одномандатном избирательном округе по выборам депутата Мосгордумы. Избирательный округ должен быть выбран Московской городской избирательной комиссией как комиссией, организующей выборы депутатов Мосгордумы.

Безусловно, должна быть сохранена централизованная иерархическая система избирательных комиссий, установленная Федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». С этой целью Мосгоризбирком определяет номер специальной участковой избирательной комиссии по дистанционному электронному голосованию (далее — УИК по ДЭГ), определяет в качестве вышестоящей территориальной избирательной комиссии территориальную комиссию одного из районов, входящих в избирательный округ. Затем вышестоящая территориальная комиссия образу-

⁵ Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации // URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/654402-7> (дата обращения 08.04.2019).

ет соответствующий избирательный участок и формирует состав УИК по ДЭГ в общем порядке.

Возможность ДЭГ должна быть предоставлена на выбор избирателю в качестве альтернативы традиционному способу голосования, который также применяется. Для этого необходимо установить порядок подачи соответствующего заявления и предусмотреть следующее: заявление подается в электронной форме через Портал государственных и муниципальных услуг (далее — ПГУ) зарегистрированными на нем избирателями; сроки подачи заявления целесообразно по времени приравнять к уже опробованным на практике срокам подачи заявлений в рамках системы «мобильный избиратель» — за 45–3 дня до дня голосования (что необходимо также для проведения работы по исключению двойного учета избирателей); целесообразно также предусмотреть в указанные сроки возможность отзыва избирателем заявления о ДЭГ.

Само голосование должно проводиться в день выборов в течение времени голосования с использованием ПГУ. Аппаратно-программный комплекс ДЭГ должен отвечать самым строгим требованиям безопасности и обеспечивать следующее: установление и подтверждение личности голосующего, тайну голосования, невозможность внесения изменений в поступающие данные (блокчейн).

По окончании времени голосования протокол об итогах голосования формируется на основании поступивших в УИК по ДЭГ данных, распечатывается и подписывается членами УИК по ДЭГ, передается в вышестоящую территориальную комиссию по стандартной процедуре.

Подготовка к эксперименту потребует от Мосгоризбиркома принятия ряда правовых актов, таких как требования к аппаратно-программному комплексу ДЭГ и оборудованию УИК по ДЭГ; порядок подачи заявления избирателя об участии в ДЭГ; порядок составления списка избирателей по избирательному участку для ДЭГ и иные решения.

В качестве эксперимента, деятельностная природа которого как эмпирического исследования проявляется в искусственном, созданном человеком реальном действии [15, с. 205], ДЭГ позволит оценить перспективу внедрения рассматриваемой технологии в избирательный процесс; создать дополнительные возможности для обеспечения конституционного права избирателей на участие в выборах; обеспечить дальнейшее развитие системы «мобильный избиратель»; выявить проблемные моменты при организации и проведении дистанционного электронного голосования; установить уровень заинтересованности избирателей в такой форме голосования.

* * *

Как любой научный эксперимент, эксперимент по ДЭГ не лишен ряда сложных моментов. Так, пессимисты могут завить о потенциальной опас-

ности данной системы в части хранения и передачи данных. Оптимисты на это ответят отсылкой на повсеместное использование интернет-банкинга для совершения денежных переводов, а также на востребованность ПГУ у миллионов людей. Конечно, об этом вправе заявлять и те, и другие, однако в случае с порталом ПГУ, человек, используя этот портал для получения государственных услуг, использует его исключительно в личных целях только в отношении себя самого. В рассматриваемом же эксперименте ПГУ возможно будет применен как инструмент для принятия юридически значимого решения, имеющего публично-правовое значение и напрямую влияющего на итоги голосования и результаты выборов. Поэтому и требования к условиям проведения эксперимента должны быть повышенными.

С большой долей вероятности можно заключить, что дистанционный способ голосования будет востребован в основном среди избирателей, являющихся постоянными пользователями Интернета. Учитывая традиционный, достаточно консервативный уклад российского общества, большую работу необходимо будет проделать по разъяснению участникам избирательного процесса порядка работы новой системы, ее преимуществ и безопасности. В связи с этим расширение возможностей наблюдения за процессом электронного голосования будет способствовать повышению доверия людей к такой форме участия в выборах, окажет плодотворное влияние на качественное укрепление института общественного контроля в избирательном процессе, названного С.С. Алексеевым одним из главных принципов права на пути обеспечения баланса по отношению к власти и ее «сокровенной составляющей — всевластью» [16, с. 125]. Дополняя эту идею, на обязанность государства по реализации вышеупомянутого принципа в целях обеспечения прозрачности своих действий также обращает внимание Г.А. Марзак [17, с. 203].

Полагаем, что для достижения этих целей при подготовке к эксперименту по ДЭГ следует организовать широкоформатное экспертно-общественное обсуждение предполагаемого порядка ДЭГ, его аппаратно-программного комплекса, привлечь к наблюдению представителей общественных, правозащитных организаций, не являющихся субъектами избирательного процесса, предусмотреть возможность публичной контрольной перепроверки итогов голосования. Более того, целесообразным видится рекомендовать участникам выборов направить на избирательный участок по ДЭГ в качестве наблюдателей избирателей, проживающих в соответствующем избирательном округе, с тем, чтобы они смогли проголосовать в рамках эксперимента и непосредственно проконтролировать работу УИК по ДЭГ.

Существует и еще один фундаментальный научный вопрос, носящий нравственный характер. Сегодня можно с уверенностью говорить о том, что современная техногенная цивилизация обусловила проблему выживаемости человечества. Это становится очевидно заметным не только в отношении ухудшения состояния окружающей среды или истощения запасов

природных ресурсов. Другая, не менее насущная проблема — это истощение потенциала живого человеческого общения как обратная сторона всеобщей цифровизации, чему, к сожалению, способствует всеобщая склонность к замещению такого общения социальными сетями, гаджетами, виртуальными играми с использованием «цифрового» лица, которое уже в наше время претендует на статус самостоятельного субъекта права. А избирательный процесс — это, прежде всего общение живых людей, сложный механизм достижение компромисса по вопросу формирования политического единства общества. Применительно к избирательному процессу представляется, что исключение человека из процесса принятия правоустанавливающих для общества решений только лишь усугубит эту тенденцию. А потому пределы информатизации электоральных процессов видятся не более чем в технической оптимизации этого механизма как способа передачи избираемым представителям народа права на власть, но никак не в отчуждении от этого процесса самого человека, хотя информация уже и приобрела значение одного из главных социальных регуляторов, стала основным капиталом в современном информационном обществе.

Список литературы

1. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К. Соч., 2-е изд. М.: Политиздат, 1959. Т. 13. 771 с.
2. Богдановъ А. Наука объ общественномъ сознаниі. (Краткій курсъ идеологической науки въ вопросахъ и ответахъ). М.: Книгоизд-во писателей, 1914. 203 с.
3. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. 4-е изд. М.: Политиздат, 1981. 445 с.
4. Полани М. Личностное знание. М.: Прогресс, 1985. 344 с.
5. Хабриева Т.Я., Черногор Н.И. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 85–102.
6. Денисов И.А. Развитие электронного правосудия в России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 1(77). С. 101–104.
7. Момотов В.В. Экономика правосудия: о благе государства и пользе частного лица // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 3(64). С. 5–17.
8. Ильин И.А. Национальная Россия. Наши задачи. М.: Алгоритм. 2017. 464 с.
9. Фадеев В.И. Народное представительство: ч. 1. Историко-теоретические корни: монография. М.: Проспект, 2015. 168 с.
10. Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Пер. с фр. М.: «КАНОН-пресс», «Кучково поле», 1998. 416 с.
11. Антонов Я.В. Электронное голосование в системе электронной демократии: конституционно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.02. М., 2015. 27 с.
12. Уханова А.П. Информационное обеспечение выборов как гарантия реализации избирательных прав граждан в Российской Федерации: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.02. Петрозаводск, 2015. 187 с.

13. Реут Д.А. К вопросу о «мобильном избирательном участке» // Избирательное законодательство и практика. 2018. № 3. С. 40–42.
14. Черепанов В.А. Можно ли отменить в России «крепостное» избирательное право? // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 5. С. 116–127.
15. Степин В.С. История и философия науки. Изд. 3-е. М.: Академический проект, 2014. 424 с.
16. Алексеев С.С. Линия права. М.: Статут, 2006. 461 с.
17. Марзак Г.А. Общественный контроль как форма взаимодействия гражданского общества и государства // Известия МГТУ «МАМИ». 2014. № 1(19). С. 199–203.